

Вестник. Но из-за одного он действовал против всех.

Антигона. Распря последняя из всех богов кончает разговор. А я все же похороню его. Не будь так многословен.

Вестник. Твоя воля, но я тебе это запрещаю. [л. 47] (1054)

Хор. О, вы, гордые губительницы рода, смертоносные Еринии, род Эдипа так с корнем вы сгубили. Как быть? Что делать? Что придумать? Не плакать по тем и не провожать тем к могиле? Как на это я решусь? Боюсь я и робею пред угрозою граждан. Ты то многими будешь оплакан. А он, несчастный, не оплаканный уйдет в могилу, провожаемый причитаниями одной лишь сестры. Кто мог бы повиноваться такому приказанию?

Полухорие. Пусть народ казнит иль не казнит тех, что плачут о Полинике, а мы пойдем его проводим и поможем хоронить. [л. 47 об.] Ведь и это общее горе для всего <нашего> племени, а народ не всегда одно и то же признает за правду.

Полухорие. А мы пойдем за этим, как повелевают и народ и справедливость. Ведь после блаженных и Зевсовой силы, это он спаситель города Кадмеян, который благодаря ему устоял; не смывает с лица земли волей чужеземного народа.

ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 191. Л. 1–47 об.

Пиндар. Олимпийская ода I

*[Гиерону Сиракузскому
и коню его Ференику на победу в скачке. Год — 476.]*

[л. 11] (1–16) Прекрасна вода, а из богатств, возвеличивающих людей, выделяется золото, ярко сияя, как сияет среди ночи пылающий огонь. Если же, мое сердце, игры хочешь воспевать ты: не ищи днем в пустынном эфире другого лучезарного светила, которое было бы жарче солнца: не будем говорить, что есть другое состязание, прекрасней Олимпийского. Оттуда доносясь, славная песня вьется вокруг мыслей искусных певцов: должны они громко воспеть Кронова сына, придя в богатый, счастливый чертог Гиерона.

Держа в своих руках жезл правосудия над Сицилией, обильной стадами²⁴², в свой венок вплетает он цветы всех добродетелей, но вместе с тем находит для себя отраду и в красоте искусства муз, в тех песнях, какими часто забавляемся мы, мужи, у его гостеприимного стола. [л. 12] (17) Снимай же ты с гвоздя дорийскую формингу, если сколько-нибудь твой ум вдохновили сладостными домыслами великолепие Писы и доблесть Ференика, <какую проявил он>, когда на берегах Алфея полетел, не нуждаясь

²⁴² По поправке $\rho\lambda\upsilon\mu\eta\lambda\phi$.

для ускорения бега в побуждениях, и доставил победу своему господину, воинственному наезднику, Сиракузскому царю. Сияет его слава в богатом прекрасными мужами поселении лидийца Пелопа.

Возлюбил его могучий земли потрясатель Посейдон, лишь из чистой купели вынула Клотоя <младенца>, которого плечи красовались блеском слоновой кости.

Конечно, много есть чудес, а кое в чем, пожалуй, и молва людская за пределы истины заходит: обманывают <людей> сказания, изукрашенные разнообразием ложных вымыслов.

Удовольствием создается все приятное для смертных: поэтому часто и невероятное сказание становится [л. 13] (32) вероятным; входит в почет, потому что доставляет удовольствие, а последующие дни являются искуснейшими свидетелями <в пользу его>.

Но о богах человеку пристойно говорить лишь прекрасное: меньше будет он виноват. О тебе, сын Тантала, я буду говорить иначе, чем прежде люди. Когда твой отец пригласил богов на пир беспорочный в свой возлюбленный Сипил, чтоб отблагодарить богов за угощение, тогда властитель прекрасного трезубца, покорившись сердцем любовному желанию, тебя похитил и перенес на золотой колеснице в небесный чертог многочтимого Зевса, куда позднее и Ганимед явился, чтобы ту же службу нести для Зевса. А так как тебя нигде не видно было и люди, посланные матерью, после долгих поисков не смогли тебя к ней привести, тотчас кто-то из завистливых [л. 14] (48) соседей тайком пустил молву, что, разрубив тебя ножом на части, их опустили в воду, огнем кипевшую ключом, и за трапезой поделили меж собой и съели яства²⁴³, приготовленные из твоего тела. Но я не в силах из блаженных кого-нибудь прожорливым назвать, от этого я уклоняюсь: часто злоречивым беда на долю достается. Нет, если кого-нибудь из смертных чтит стражи Олимпа, то это был Тантал. Но не по силам ему было великое счастье: пресытись, нажил он себе <своей державой> муку невыносимую: <такой мукой стал для него> крепкий камень, который повесил над ним отец <богов и людей>. Вечно пытаюсь отклонить этот камень от своей головы, несчастный не знает отрады.

А досталась ему эта жизнь, всегда полная страданий, от которых нет исцеления, эта четвертая мука вместе с тремя другими за то, что, у бессмертных похитив, своим сверстникам, своим сотрапезникам [л. 15] (64) дал он нектар и амброзию, которыми бессмертным боги сделали его. А если кто из людей, совершая какой-нибудь проступок, воображает, будто укрылся от <взора> богов, тот заблуждается. За то преступление бессмер-

²⁴³ По чтению *δεόματα*.

тные опять прислали Танталова сына обратно в среду кратко-вечного человечества. Когда при наступлении цветущего возраста возмужалости волосы стали черной тенью? покрывать подбородок <юноши>, обратил он свои мысли к браку, который <как раз в ту пору был для него готов>: задумал получить славную Гипподамию от ее отца, царя Писы. Подойдя один во тьме ночной к седому морю <Пелоп> звал грозно гремщего властителя прекрасного трезубца, а тот явился близко у самых ног его. Молвил ему <юноша>: «Если желанные дары [л. 16] (77) Киприды сколько-нибудь тебя, Посейдон, к благодарности располагают, обуздай — молю тебя — медное Ойномаево копье, а меня на быстрейшей колеснице принеси в Элиду и приблизь к победе. Тринадцать мужей-женихов сгубил <Ойномай>, чтобы отдалить брак дочери. Великая опасность не привлекает малодушного: но зачем кому бы то ни было из тех, для которых смерть есть неизбежность, влечь напрасно бесславную старость, сидя сложа руки во мраке безвестности, лишенным всего того, что прекрасно. Нет, я решусь на этот подвиг, а ты подай успех желанный». Так он сказал, и не напрасны были его речи. Чтобы его потешить, бог дал ему колесницу золотую и неутомимых крылатых коней. (90) Досталась <юноше> победа над самим Ойномаем и дева в супруги. Родил он шесть сыновей, народных вождей, полных стремления [л. 17] (92) к доблестям. А теперь принимает он прекрасные жертвы, покоясь возле русла Алфея. Стоит на просторе его курган возле жертвенника, к которому стекается множество пришельцев. Далеко распространяется слава Олимпийских побед, одержанных на ристалище Пелопа, где состязаются быстрота ног и цвет силы, не боящейся трудов. Победитель всю остальную жизнь свою проводит в сладостном благоденствии, поскольку оно дается победами на играх. Но, конечно, для всякого из смертных выше всего то счастье, которое сегодня ему достается. А мой долг увенчать победителя за победу в состязании всадников песней эолийского лада. И, я уверен, мы не можем прославить извивами песен ни одного покровителя? Из нынешних людей, который превосходил бы <Гиерона> в том и в другом: был бы более сведущ в изящном и обладал бы [л. 18] (108) большим могуществом. <Такой успех> устроит для твоих замыслов, Гиерон, бог, твой покровитель: это избрал себе он заботой. И если скоро тебя не покинет, надеюсь я прославить заодно с быстрой колесницей замысел еще более сладостный <в своем исполнении>, <надеюсь, что>, придя к согретому солнцем холму Крону, найду я в этом путешествии помощь для слов <моей песни>. Ведь мое самое крепкое оружие, это то, которому Муза силу придает. Один велик в одном, другой в другом. А крайняя вершина <величия> царям дается: дальше уже нечего тебе искать. Пусть же весь свой век ты будешь шествовать по высотам, а я пусть

так же долго, с победителями торжество их разделяя, у Еллинов повсюду буду знаменит своим искусством.

ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 208. Л. 11–18

Пиндар. Пифийская ода IV [Аргонавты]

*[Аркесилаю Киренскому
на победу в колесничном беге
песня заступническая за Дамофила]*

[л. 37] (1) Муза, сегодня должна ты явиться пред мужем, к тебе благосклонным, пред царем знаменитой конями Кирены, <должна ты явиться>, чтобы вместе с Аркесилаем, устроившим хоры, усилить ветер попутный для благодарственных песен, которыми должно почтить Латоны детей и Пифона. Там ведь, в Пифонии: жрица, сидящая возле золотых орлов Зевса в присутствии Аполлона пророчески нарекла Батта основателем поселений плодородной Ливии, <повелела ему,> чтобы он, покинув уже священный остров, построил на белеющем холме город, которому суждено было прославиться колесницами, и чтобы [л. 37 об.] (9) он исполнил вещее слово Медеи, сказанное шестнадцатью поколениями раньше. Некогда близ Феры изрекла его бессмертными устами смелая дочь Айета, царевна колхов.

Так она сказала полубогам, морякам воителя Ясона: «Услышьте, дети отважных мужей и богов: я говорю, что из этой, потрясаемой морем земли дочь Епафа некогда <возьмет> и посадит на почве Зевса Аммона корень славных городов. Променяют <их жители> короткокрылых дельфинов на коней и вместо весел будут править вожжами и колесницами, быстрыми, как вихри. Исполнится — сделает Феру матерью великих городов [л. 38] (19) то предзнаменованье, которое некогда у устьев тритонова, Евфам, сойдя с корабельного носа, получил как гостинец от бога, принявшего вид человека и подавшего глыбу земли. И на счастье для него прозвучал при этом громами Кронион Зевс отец. <Это случилось,> когда встретился нам тот бог, меж тем как мы привешивали к кораблю меднозубый якорь, узду быстрой Арги. А перед тем двенадцать дней несли мы от Океана по хребту земли пустынной морское судно, вытащив его на сушу по моему совету. Тогда пришел к нам тот бог, облекшись в образ сановитого мужа. Он был один и начал говорить ласковые речи, какими добрые люди прежде всего предлагают [л. 38 об.] (31) трапезу чужеземцам, к ним пришедшим.

Но была причина, которая не позволяла нам остаться — желание <поскорее> домой возвратиться. А <о себе> говорил он, будто он Европы сын бессмертного земледержца, земли колебателя. Понимал он, что спешили мы. И вот сейчас же взяв с земли правой рукой, захотел он дать подарок,